

С.В.Куликов

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ОБРАЗОВАНИЕ ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА

Kulikov, S.V. "Government Liberalism and Creation of Progressive Bloc".

The article analyses the role of the tsarist bureaucracy in the creation of the Progressive Bloc in the State Duma in 1915. Providing a detailed analysis of the Bloc's activities, the author draws the following conclusions: in spite of the fact that the representatives of the liberal bureaucratic elite considered the Bloc's program their own until the February Revolution, the Bloc went beyond the control of that elite from the first days of its existence. Rather quickly, in author's opinion, it became the opponent of the whole regime. And by February 1917 it even facilitated its death.

Одним из недостаточно изученных аспектов истории Прогрессивного блока является вопрос о причастности к его появлению высшей царской бюрократии, представителей бюрократической элиты Российской империи. Большинство исследователей, так или иначе занимавшихся историей блока (Граеве 1926; Грунт 1945; Грунт 1963; Климов 1952; Дякин 1967; Слонимский 1975; Черменский 1976; Старцев 1977; Аврех 1985; Думова 1988; Rosenberg 1972; Hamm 1974;

Pearson 1977; Hasegawa 1981; Пайпс 1994; Катков 1997), кроме А.Я.Авреха, В.С.Дякина и Е.Д.Черменского, сделавших на сей счет показательные оговорки, трактуют его, прежде всего, как детище либеральной оппозиции, не замечая наличия у тогдашней бюрократической элиты готовности и способности проявить инициативу в образовании в законодательных палатах либерально настроенного большинства. Между тем не замечать именно этого, по крайней мере – в отношении авторов осуществлявшегося с началом Первой мировой войны курса на «священное единение» власти с оппозиционной общественностью, – никаких оснований не имеется. Более того, имеются все основания для утверждения о том, что дальнейшее высвобождение общественной инициативы могло присутствовать в планах таких интерпретаторов данного курса, как А.В.Кривошеин. Именно он, главноуправляющий землеустройством и земледелием, статс-секретарь его величества, гофмейстер Высочайшего двора, наконец, «фактический премьер», одновременно являлся, как это было доказано В.Д.Дякиным, и знаковой фигурой предреволюционного правительственного либерализма, феномен которого получил новое осмысление в работах Р.Ш.Ганелина и М.Ф.Флоринского (Ганелин, Флоринский 1997; Ганелин, Флоринский 1999).

Нижняя хронологическая граница проблемы причастности А.В.Кривошеина к попыткам наладить взаимодействие с общественными силами относится к началу 1915 г., когда лидеры правительственного либерализма выдвинули идею «сборного кабинета», бюрократически-общественного министерства, пользующегося доверием думского большинства. Выдвижению этой идеи весьма способствовала Первая мировая война, начало которой ознаменовалось провозглашением на заседаниях законодательных палат 26 июля 1914 г. «единения царя и народа», Совета министров и 4-й Государственной думы. Впервые со времени существования нижней палаты правительство получило поддержку всех ее фракций, за исключением социал-демократов. «Фактический премьер» А.В.Кривошеин увидел в «священном единении» уникальную предпосылку для укрепления контакта правительства с Думой. Еще в январе 1915 г. А.В.Кривошеин говорил французскому послу Ж.М.Палеологу,

что «более определенное ограничение императорской власти все же необходимо», а потому «надо будет распространить контроль Думы на управление» (Палеолог 1991: 157–158). Остается не вполне ясным, что А.В.Кривошеин подразумевал под «ограничением императорской власти» и «контролем Думы над управлением». Но в это же время «фактический премьер» неоднократно говорил Николаю о необходимости «управления в согласии с Думой» (Кривошеин 1969).

Приступая к постепенному осуществлению своего замысла, А.В.Кривошеин решил назначить своим товарищем (заместителем) по должности главноуправляющего землеустройством заместителя председателя думской Фракции центра графа В.В.Мусина-Пушкина, до избрания депутатом являвшегося подчиненным А.В.Кривошеина в качестве управляющего Дворянским и Крестьянским банками. К намерению «фактического премьера» Николай, как сообщал 18 января своему тестю, графу И.И.Воронцову-Дашкову, сам В.В.Мусин-Пушкин, «отнесся очень одобрительно» (РГИА. Ф.919. Оп.2. Д.2180. Л.24 об.).

Новый заместитель А.В.Кривошеина стал первым за всю историю Думы депутатом, получившим столь высокий пост. После состоявшегося 9 февраля назначения графа В.В.Мусина-Пушкина предметом его совещаний с патроном оказалась идея общественно-бюрократического «сборного кабинета», аналога «министерства общественного доверия». Список этого кабинета, написанный рукой графа, предусматривал назначение премьером либо А.В.Кривошеина, либо государственного контролера П.А.Харитонова (Из истории 1996: 150–151, 159–162). В.С.Дякин полагал, что составление списка следует отнести к 20-м числам мая 1915 г., когда требование о создании правительства, пользующегося доверием думского большинства, было выдвинуто оппозиционной общественностью впервые, поскольку, по его мнению, А.В.Кривошеин не стал бы планировать столь масштабных кадровых перемен до того, как об их необходимости заявили лидеры либеральной оппозиции (Ананьич, Ганелин, Дубенцов, Дякин, Потолов 1984: 554). По нашему мнению, вполне допустима и иная точка зрения, а именно – что выдвижение оппозицией требования о создании упомянутого министерства именно в 20-х числах мая было обусловле-

но появлением у лидеров правительственного либерализма готовности пойти на подобную меру гораздо ранее указанного срока.

Для датировки списка более ранним временем имеются следующие причины. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что его составители предусматривали создание особого Комитета военных заготовок и возглавление этого органа членом Думы, бывшим товарищем ее председателя князем В.М.Волконским. Но в Комитете князя В.М.Волконского нельзя не усмотреть прообраз Особого совещания по усилению снабжения армии главнейшими видами довольствия. На создание данного Совещания Николай II согласился 12 мая, будучи в Ставке, во время всеподданнейшего доклада председателя нижней палаты М.В.Родзянко (1990). Еще до состоявшегося 5 мая приезда царя в Ставку, приблизительно в конце апреля, план создания Комитета, призванного «ведать все вопросы военного снаряжения», М.В.Родзянко обсуждал с верховным главнокомандующим, великим князем Николаем Николаевичем. Однако создание аналогичного Комитета планировали и составители списка. Следовательно, крайний срок, позднее которого этот документ не мог появиться на свет – конец апреля/начало мая, поскольку позднее Комитет стал называться Особым совещанием. В 20-х числах мая, когда, по мнению В.С.Дякина, был составлен список, Особое совещание по снабжению армии работало уже всюду, и авторам списка не было никакого смысла, даже с целью сокращения его наименования, называть этот орган как-то иначе.

Помимо этого, к 20-м числам мая рассматриваемый документ нельзя отнести еще и потому, что в нем в качестве военного министра во всех трех комбинациях фигурирует начальник Штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н.Янушкевич. Между тем, именно в это время его общественный авторитет оказался существенно поколебленным. «С мая 1915 г., когда начала разворачиваться наша Галицийская катастрофа, – подчеркивал протопресвитер армии и флота Г.И.Шавельский, – генерал Янушкевич стал мишенью для ударов со всех сторон» (Шавельский 1996: 266). Естественно поэтому, что именно в 20-х числах мая выдвижение А.В.Кривошеиным и графом В.В.Мусиным-Пушкиным кандидатуры проштрафившегося в гла-

зах оппозиционной общественности Н.Н.Яннушкевича было бы лишено всякого смысла. Слухи о назначении начальника Штаба верховного главнокомандующего на пост военного министра, доказывающие, что соблюсти в полном секрете свои планы относительно данного поста составители списка так и не сумели, просочились в общественные круги еще в середине марта. Имея в виду как раз эти слухи, Н.Н.Янушкевич сообщал В.А.Сухомлинову в начале 20-х числах марта: «Спешу доложить Вам, что я получил 2 письма из Варшавы и Петрограда, где сообщают новость, что “Вы оставили свой пост, и я Ваш заместитель!!!” Считаю своим долгом Вам это доложить, ибо я к этим слухам совершенно не причастен... Как и недавно, повторю одно. Буду глубоко признателен, если меня уволят от службы, но лишь бы не связывали мое имя с интригой против Вас или с эгоистическими целями сохранить не по плечу место начальника Штаба. В жизни своей “ни к чему не подбирался”, и если все же всю жизнь сыпались на меня милости, то совесть моя совершенно чиста» (Сухомлинов 1923: 51). Факт достаточно широкого распространения указанных слухов отметил в ответном письме за 22 марта сам военный министр: «На днях мне говорили, что банковский делец, некий немец Шпан, успевший перебраться в российского гражданина, усиленно распространяет слухи, что меня увольняют, что Государь меня больше с докладами не принимает, и генерал Шувалов пришел даже спросить меня, правда ли это?» (Сухомлинов 1923: 52). К теме замены себя наштаверхом военный министр возвращался в переписке с Н.Н.Янушкевичем и впоследствии. «Очередная петроградского болота сплетня: меня убирают, – сообщал В.А.Сухомлинов 9 апреля. – Вы на мое место, чтобы очистить дорогу Раушу (т.е. генералу барону Е.А.Раушу-фон-Траубенбергу. – С.К.)» (Сухомлинов 1923: 54).

Предполагаемую дату составления списка, а значит и время зарождения у лидеров либеральной бюрократии мысли о создании министерства, пользующегося доверием думского большинства, следует отнести на февраль 1915 г. Основание для этого можно найти в датированном 9 августа того же года письме графа В.В.Мусина-Пушкина А.В.Кривошеину. «Теперь, – обращался в нем граф к своему адресату, имея в виду

вопрос о замене кабинета И.Л.Горемыкина «министерством доверия» (или, как выражался граф, «сборным кабинетом». – С.К.), – позвольте затронуть, и вероятно – в последний раз, вопрос, о котором я Вам постоянно говорю уже 1/2 года» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.27–30). Почему именно полгода? Дело в том, что именно ровно за полгода до 9 августа, 9 февраля, граф В.В.Мусин-Пушкин, будучи назначен товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием по инициативе А.В.Кривошеина, оказался под непосредственным началом «фактического премьера». Таким образом, идея министерства с участием общественных деятелей была поставлена на повестку дня тогда, когда никто из видных общественных деятелей данную идею всерьез не рассматривал, а это значит, что в первой половине 1915 г. представители правительственного либерализма шли впереди представителей либерализма общественного (Куликов 1998: 258). Выдвигая в конце мая лозунг общественно-бюрократического кабинета, оппозиционные деятели, следовали, хотя и неосознанно, в фарватере политики, проводившейся высокопоставленными бюрократами.

Показательно, что именно в конце мая «фактический премьер» и его единомышленники, в соответствии с договоренностью, состоявшейся между ними ранее, переходя к непосредственному воплощению идеи «сборного кабинета», потребовали от И.Л.Горемыкина обратиться к Николаю с просьбой о замене четырех непопулярных у оппозиции министров (Н.А.Маклакова, В.К.Саблера, генерала В.А.Сухомлинова и И.Г.Щегловитова) сановниками, пользовавшимися общественным доверием. Во время встречи с императором, состоявшейся 30 мая (Николай II 1991: 531), И.Л.Горемыкин получил от Николая согласие на увольнение перечисленных министров. Тогда же премьер, осознавая свою неприемлемость для Думы, «умолял императора принять его отставку» однако Николай дал на это «лишь уклончивый ответ» (Палеолог 1991: 180; Ганелин, Флоринский 1999: 487–488).

В итоге кадровых перемен, совершенных в июне – июле, перед самым созывом Думы, министры, которых можно считать сторонниками А.В.Кривошеина, составляли в Совете министров подавляющее большинство. К ним относились: министр

финансов П.Л.Барк, морской министр И.К.Григорович, министр народного просвещения граф П.Н.Игнатъев, управляющий Военным министерством генерал А.А.Поливанов, министр иностранных дел С.Д.Сазонов, исправляющий должность обер-прокурора Синода А.Д.Самарин, государственный контролер А.А.Харитонов, министр торговли и промышленности князь В.Н.Шаховской и управляющий Министерством внутренних дел князь Н.Б.Щербатов. Однако кадровые уступки, сделанные в июне – июле и приведшие к обновлению правительства, думцы расценили лишь как удобный повод для предъявления требований о дальнейших уступках. «Государь был горько разочарован, – вспоминал по этому поводу П.Л.Барк. – Он согласился с мнением большинства министров, сделал соответствующие перемены в кабинете и уволил тех, которые были неуютны Думе. Он затем созвал Думу экстренно. Все эти уступки не были оценены Государственной думой. Дума стала добиваться новых и радикальных перемен в режиме, которые император считал во время войны недопустимыми» (Барк 1966: 109).

Неустранимость конфликта стала одной из главных причин образования в августе 1915 г. Прогрессивного блока, идея которого была неотделима от идеи «министерства доверия»*.

Еще А.Я.Аврех (1985: 42), опираясь на сведения, приводившиеся П.Н.Милюковым и имевшие в виду причастность А.В.Кривошеина к образованию Прогрессивного блока, писал о том, что «инициатива по созданию Блока исходила именно от правых, а не от кадетов». Как будет видно из дальнейшего, идея образования думского большинства зародилась у А.В.Кривошеина тогда же, когда и идея пользующегося общественным доверием министерства, т.е. в течение февраля – мая. Однако перед тем, как инициировать это большинство, необходимо было созвать Думу на очередную сессию. Развернутую аргументацию в пользу созыва народного представительства А.В.Кривошеин мог почерпнуть из адресованного ему 11 июня письма «готового к услугам Петра Струве», стремившегося играть роль политического советника «фактического премьера».

* Не случайно, что первым пунктом программы блока значилось образование «объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы» (Российские либералы 1996: 76).

«Сейчас нужно и возможно, – писал П.Б.Струве, – сделать сравнительно немного, но скоро, решительно и открыто. Скоро значит: избегая оттяжек, которые только вредят, т.е. “повышают” настроения и питают смуту. Нужно, чтобы правительство, или, вернее, власть, закрепила себя на известном минимуме и закрепила общественное мнение на этом минимуме. Отсюда, на мой взгляд, вытекают следующие выводы: 1. Скорейший “ремонт” правительства в пришедших в негодность частях». Имея в виду вторую, необходимую, с его точки зрения, меру, П.Б.Струве писал: «Скорейший созыв Государственной думы; после “ремонта” правительства он не страшен нисколько, и чем скорее он будет произведен, тем глаже он сойдет. Дума должна остаться для определенной коммиссионной работы с правительством, общие же собрания должны длиться недолго, они, по меньшей мере, бесполезны». «Итак, повторяю, – подытоживал П.Б.Струве, – с тем, что решено, необходимо спешить, потому что чем скорее будут произведены как “ремонт” правительства, так и созыв Государственной думы, тем и то и другое будет действительнее» (Кривошеин 1994: 50–51). В пользу дальнейшего углубления заключенного в начале войны союза власти и общества П.Б.Струве воздействовал не только на «фактического премьера», но и на другого видного кабинетского либерала – министра иностранных дел С.Д.Сазонова. «Правительство, – писал ему 3 июля П.Б.Струве, – должно явиться в Государственную думу с ясным планом серьезных мероприятий, основанных на принципиальном признании общественности как союзника в общем государственном деле» (Струве 1933: 148).

В унисон с П.Б.Струве действовал в это время ближайший сотрудник «фактического премьера» – граф В.В.Мусин-Пушкин. В письме, написанном не ранее 11 июня, т.е. после прочтения его автором только что цитировавшегося письма П.Б.Струве, граф настойчиво призывал своего патрона «идти вперед для объединения вокруг власти всех неревolutionонных и патриотических элементов общества». «Дело идет не об уступках обществу, – подчеркивал граф В.В.Мусин-Пушкин, – а о спасении России. Все это будет сделано, но опять как уступка (после отдачи Варшавы или чего-нибудь по»

добного), а не как государственная программа. Можно думать, что правительство цепляется за власть, по существу уже выпустив ее из рук (военные заготовки, объединение общества, осуждение обществом и прессой московского погрома и т.п.), а это всегда ведет к тому, что слабого начинают презирать. Как бы нам не дожить до того, что министерство Родзянко будет казаться якорем спасения. А время еще не упущено и поправить все можно» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.23–26 об.).

Весьма созвучной с аргументацией, выдвинутой П.Б.Струве и графом В.В.Мусиным-Пушкиным в пользу скорейшего созыва Думы и дальнейшего углубления сотрудничества власти с оппозиционной общественностью, была и аргументация, которую развернул перед «фактическим премьером» в письме, написанном 21 июня в Оптиной Пустыни, назначенный член Группы центра Государственного совета, шталмейстер Высочайшего двора князь Алексей Д.Оболенский,* виднейший государственный деятель начала XX в., один из авторов манифеста 17 октября 1905 г. (Ганелин 1991: 209–211; Lieven 1989: 256–276), выступавший, по меньшей мере – с начала Первой мировой войны, подобно П.Б.Струве и графу В.В.Мусину-Пушкину, – в амплу довереннейшего советчика А.В.Кривошеина. Имея в виду подготовленную «фактическим премьером» замену министра внутренних дел Н.А.Маклакова и военного министра В.А.Сухомлинова князем Н.Б.Щербатовым и А.А.Поливановым, князь А.Д.Оболенский восклицал: «Сделали Вы новыми назначениями очень много, и заслуга Ваша имеет историческое значение. Вам честь и слава!» Далее, передавая свои впечатления от царского рескрипта И.Л.Горемыкину, в котором говорилось о времени созыва законодательных палат, князь А.Д.Оболенский давал волю своему критицизму: «Тем более неприятно говорить Вам, что далеко еще не все сделано и, если судить по рескрипту, самый дух, царящий наверху, не есть дух спасительный. Все производит впечатление не сознания правильности избранного пути, а каких-то уступок кому-то. Если в доме пожар, то нельзя говорить, что по-

* Не путать с его родным братом князем Александром Д.Оболенским, который в это время также был шталмейстером и назначенным членом Группы центра Государственного совета.

жарную команду позовут не позже как через 1 1/2 месяца. Если же так говорят, то или не сознают, что пожар, или не верят пожарной команде. Кажется, в наличности пожара нельзя сомневаться, а если не верить пожарной команде (что вполне возможно, хотя она единственная и это глупо), то нельзя ей верить и тогда, когда пожар, по всем вероятностям, разгорится. Дело в том, что волна общественно-го подъема через полтора месяца может и упасть».

Заключительные строки письма князя А.Д.Оболенского содержали достаточно прозрачные намеки на необходимость включения Думы в процесс управления страной. «А главное, – писал по данному поводу князь, – нет сознания необходимости разделить ответственность, возложить ее на всю Россию в лице законодательных учреждений. Здесь вопрос не в том, хотят этого и[ли] не хотят отдельные члены Думы или Гос[ударственного] совета, а в том, что это единственный способ избежать величайших потрясений. По-видимому, хотят также лишь выслушать “голос земли”, а не дать ему звучать совместно с голосом власти. Надо, чтоб Дума решала практические вопросы, напр[имер], призыва ратников 2-го р[азряда], а не кричала только “ура” или отказалась это кричать. Словом, созыв не может быть кратким». В письме, написанном А.В.Кривошеину днем позже, князь А.Д.Оболенский, по зрелом размышлении, решил пойти на попятную: «Вернувшись домой, я думал – лучше не посылать моего брюзжания, – сообщал он 22 июня. – Но все же, думаю, вреда оно не принесет. Вижу из газет, что Вы делаете, что можете, но меня смутило заключение наших правых членов Государственного совета, что сессия Думы должна быть очень краткой. Это была бы ошибка. Впрочем, видно будет. Во всяком случае, Вами сделано громадное дело и если Бог нам даст сплотиться, что то же, что победить, – тогда русские люди Вам скажут спасибо» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.294. Л.11–12 об., 13).

Рекомендации, полученные А.В.Кривошеиным от указанных корреспондентов, совпадали далеко не во всем. К тому же, как вспоминал о событиях лета 1915 г. министр народного просвещения П.Н.Игнатьев, даже соратникам А.В.Кривошеина трудно было уяснить себе содержание политики, которую тот хотел проводить. «Для меня было ясно, – писал

П.Н.Игнатьев, – что все усилия Кривошеина сводятся к тому, чтобы руководить Горемыкиным и вести его к принятию определенной политики. В чем была эта политика по существу, я бы даже не сумел формулировать» (Игнатьев 1926: 6).

Представление о том, на какие фракции и группы обоих палат А.В.Кривошеин планировал опираться первоначально, – т.е. в первой половине 1915 г., до того момента, как на него обрушился поток патетических рекомендаций графа В.В.Мусина-Пушкина, князя А.Д.Оболенского и П.Б.Струве, – можно получить из упоминавшегося выше списка общественно-бюрократического кабинета, написанного рукой графа. Согласно этому списку, кандидатами второго эшелона на планировавшийся для Н.Н.Львова пост министра без портфеля, который бы представлял в кабинете Думу, были думские лидеры – от правых до правых кадетов: А.Н.Хвостов, П.Н.Балашев, граф В.А.Бобринский, В.В.Шульгин, князь В.М.Волконский, С.Т.Варун-Секрет, А.Д.Протопопов, Н.А.Хомяков, Н.В.Савич, С.И.Шидловский, В.А.Ржевский, М.В.Челноков. На предназначавшийся Н.С.Авдакову пост министра без портфеля, представляющего в правительстве выборных членов Государственного совета, претендовали также лидеры всех политических групп Совета – от правой до академической: князь Н.П.Урусов, А.Н.Наумов, граф Д.А.Олсуфьев, М.А.Стахович, С.И.Зубчанинов, Н.Ф.Сухомлинов, В.И.Тимирязев и М.М.Ковалевский (Из истории 1996: 162). Следовательно, первоначально – по крайней мере в течение февраля – июня, Кривошеин отнюдь не предполагал исключать из состава будущего думского большинства членов правой фракции. Более того, данная фракция должна была явиться едва ли не красугольным камнем указанного большинства. Показательно в этой связи, что еще на заседании Совета министров 26 июня А.В.Кривошеин предлагал «опереться на правые партии, кончая октябристами, как делал Петр Аркадьевич Столыпин». В ответ на скептическую реплику председателя кабинета И.Л.Горемыкина – «Пока имеем дело с левыми» – А.В.Кривошеин заявил: «Потому и надо правых привлечь» (Яхонтов 1999: 190–191).

Почему же, в конечном итоге, «фактический премьер» оказался на иной точке зрения, подразумевавшей иници-

ирование Прогрессивного блока с кадетами in corpore, но без фракции правых (точнее – крайне правых)? В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к письму, полученному А.В.Кривошеиным от П.Б.Струве и написанному им в два приема в течение 9–10 августа. Указав на то, что в Думе «на “правительство” нападает трудовик Керенский и националист граф Бобринский», «а правительства нет, не в том смысле, что оно не явилось в Думу (что оно вовсе и не обязано было сделать), а в том, более глубоко, смысле, что власти с сильной и ясной программой действий действительно нет», П.Б.Струве подчеркивал, что вследствие «отсутствия ясной физиономии и твердой воли у правительства, в Думе и в прессе полный разброд; вместо объединения средних элементов от умеренных кадет включительно для работы с правительством – получается борьба всех против правительства». Это, по мнению П.Б.Струве, «можно было предвидеть, ибо правительства действительно нет, и его действия носят слабосильный и неясный характер».

Намечая из этой безвыходной ситуации «выход простой и ясный, и притом – единственный», П.Б.Струве писал: «Правительство, путем прямых переговоров с лидерами ответственных думских групп, должно условиться о программе действий и поведения и, таким образом, организовать думское большинство на основе лояльного компромисса. Правительство должно также организовать большинство Государственного совета». Имея в виду платформу, на которой могло бы состояться заключение соглашения между правительством и думским большинством, П.Б.Струве писал: «Что правительство должно дать организованному большинству Думы, объемлющему все монархические фракции от умеренно-правых до кадет включительно, – это должны выяснять переговоры групп с правительством и групп между собой. В условиях мирного времени такой компромисс представлял бы огромные трудности, сейчас – он относительно легок, ибо оба крайних крыла необходимого большинства будут весьма податливы. Основным условием, которое правительство должно предъявить группам (и это условие должно будет предъявить к своему большинству всякое правительство!), это – не только воздержание от всякой демагогии в Думе и вне Думы, но и активная борьба с такой демагогией».

«Такая организация думского большинства широким фронтом, – отмечал П.Б.Струве, – будет иметь потому огромное значение, что оно выявит во всех этих “левых” элементах (левее кадетов), которые останутся вне этой концентрации, их “пораженческое” нутро. Выражаясь резко и картинно: нужно довести Керенского до состояния общественной изолированности и разрушить анархический сговор Керенских и Бобринских, а в борьбе с демагогией нужно Хвостовых загнать в революционный угол, накрыть там с красным флагом и политически обезвредить (если угодно, высечь)». Таким образом, идея резкого дистанцирования бюрократической элиты от фракции правых проводилась корреспондентом «фактического премьера» совершенно недвусмысленно. Внушая А.В.Кривошеину, что «задача концентрации власти и общественного мнения (с Государственной думой во главе) есть повелительная необходимость исторического момента и поэтому прямая обязанность всех, сознающих свою ответственность и поставленных политически на ответственные места», П.Б.Струве подталкивал «фактического премьера» к более активным действиям: «Я повторяю не раз высказанное убеждение, что эту задачу, в условиях настоящего момента, должны взять на себя Вы и что она должна быть осуществляема с растущей энергией. Ибо, нельзя этого достаточно подчеркнуть, объединение власти с ответственным общественным мнением есть сейчас не только государственная, в общем смысле, но и военная необходимость». «Если, – намекал далее П.Б.Струве на “безответственные влияния”, т.е. на императрицу и Г.Е.Распутина, – для осуществления и в процессе осуществления такой поистине национально-имперской концентрации сил нужно будет не только сломить таящуюся революцию слева, но и раздавить “шептунов” и других безответственных влияний (sic!) справа, – власть, в союзе с Государственной думой и с прессой, обязана и сможет сделать это».

Призывая А.В.Кривошеина «смело и широко приняться за оздоровление нашей внутренней жизни», П.Б.Струве писал: «Пусть исчезнет тот ужасный кошмар, в силу которого внутренние успехи оцениваются пропорционально внешним неудачам и внутренняя энергия власти при удачах внешних

слабеет. Опять-таки повторяю: сдвиг налево, – хотя термины “лево” и “право” грубы и не выражают сложности и своеобразия исторической задачи, – должен быть произведен правыми руками. Это может спасти Россию от больших смут во время войны и после войны». В заключении своего письма П.Б.Струве, явно нагнетая страсти, снова попытался подвигнуть А.В.Кривошеина к более активной деятельности: «Положение в высшей степени критическое; по моему глубокому убеждению, то, о чем я пишу, могло пройти с гораздо большей гладкостью и легкостью еще две недели тому назад, еще лучше – до созыва Думы. Сейчас же дела вступили в такую стадию и настроение так обостряется разными слухами, что озлобление против данного состава правительства страшно растет и готово вылиться прямо в несообразные и, с национальной точки зрения, зловередные формы. На будущей неделе может быть уже поздно для осуществления той задачи, о которой я говорю, в единственно разумных очертаниях ее выполнения, в условиях войны. Если Вы, как единственное лицо в бюрократическом мире, которое может взяться за эту задачу, от нее уклонитесь, то она перейдет в руки, которые с ней не могут справиться. Пусть правительство, в Вашем лице, в такой грозный час отбросит страх перед внутренне бессильными, окаменевшими в противогосударственном упорстве так называемыми “правыми” элементами, которые неспособны понять, что Россию может спасти только подлинная национально-имперская концентрация, и примется смело и открыто за нее» (Кривошеин 1994: 53–56).

Приведенные внушения могли способствовать окончательному самоопределению «фактического премьера» в пользу того, чтобы содействовать образованию думского большинства, равняющегося не на Правую фракцию, а на Фракцию кадетскую. В самом деле, тянувшийся, по меньшей мере, с конца мая 1915 г. медленный процесс консолидации группировок Думы и Государственного совета в середине августа (т.е. после написания только что процитированного письма) вступил таки в свой завершающий фазис, во время которого консультации между членами законодательных палат, начатые с подачи лидера думской Фракции центра

П.Н.Крупенского, тесно связанного с либеральными сановниками, привели к формальному образованию Прогрессивного блока (Аврех 1985: 43, 69; Черменский 1976: 96).

Возникает вопрос: в какой степени письмо П.Б.Струве достигло успеха и побудило А.В.Кривошеина содействовать консолидации тех фракций в Думе, которые были готовы сплотиться на общей платформе? Имеются как косвенные доказательства влияния П.Б.Струве на А.В.Кривошеина, так и прямые свидетельства участия последнего в организации Прогрессивного блока. К первым относится признание, сделанное самим П.Б.Струве уже после революции.

«С 1915 г., – вспоминал П.Б.Струве (1921), – я сблизился с Кривошеиным и с этого года мы, иногда расходясь в оценке задач данного момента, в основных целях и даже методах политического действия чувствовали себя единомышленниками, несмотря на различие в возрасте, в путях нашего политического развития и в содержании нашего государственного опыта».

Обращает на себя внимание констатация расхождений между автором письма и его высокопоставленным читателем. Отсутствие сведений о том, по каким вопросам существовало между ними несовпадение мнений, не позволяет признать А.В.Кривошеина прямым исполнителем мыслей, которые П.Б.Струве формулировал в своих письмах. К тому же нельзя забывать, что А.В.Кривошеин, по наблюдениям министра торговли и промышленности князя В.Н.Шаховского, как государственный деятель «не обладал достаточной устойчивостью во взглядах и зачастую слишком круто их менял, под влиянием ли левого крыла Думы или под напором на него московских, главным образом промышленных, тузов, к которым он зачастую ездил за осведомлением». «Были случаи, – вспоминал В.Н.Шаховской, – когда Кривошеин в заседании Совета министров горячо и настойчиво проводил свою точку зрения, а на следующее заседание, побывав в промежутке в морозовском особняке, от своего мнения отказывался и занимал противоположную позицию» (Шаховской 1995: 128).

Мнения осведомленных современников в пользу того, что А.В.Кривошеин был причастен к организации Прогрессивного блока, не единичны. «Надо сказать, имея в виду Прогрессивный блок, – сообщал П.Н.Милюков Чрезвычайной следственной комиссии, – что, может быть, первая мысль о нем исходила из министерских кругов... Кривошеин все время был начеку и думал, что все же настанет его время, когда он будет премьером, и считал необходимым опираться на большинство в палатах... Так что, может быть, самая попытка первоначальных переговоров была вызвана этим» (Милюков 1926: 316).

А.Я.Аврех высказал догадку, что выражение «может быть» П.Н.Милюковым было упомянуто «всуе». Действительно, недвусмысленное признание того, что созданием Прогрессивного блока оппозиция обязана не ему, П.Н.Милюкову, а царскому сановнику, было для крайне самолюбивого кадетского лидера, претендовавшего на единоличное лидерство не только в собственной партии, но и в блоке, довольно трудной задачей. Неосознанно варьируя свою, появившуюся в цитированном выше письме по поводу создания в Думе проправительственного большинства, фразу: «сдвиг налево должен быть произведен правыми руками» – П.Б.Струве, уже после революции, отзываясь на смерть А.В.Кривошеина, отмечал, что он «напрягал все усилия к тому, чтобы этот спасительный сдвиг осуществился без всякого ущерба для государства и его мощи» (Струве 1921).

Другой, не менее видный и осведомленный, общественный деятель начала XX в., член Государственного совета по выборам В.И.Гурко, прямо называл А.В.Кривошеина «инициатором Прогрессивного блока» (Берберова 1986: 28). По мнению сына «фактического премьера», «весьма правдоподобно, что инициатива этого широкого объединения (т.е. Прогрессивного блока. – С.К.) исходила от Кривошеина» (Кривошеин 1973: 236). Создание Прогрессивного блока, подчеркивал дворцовый комендант генерал В.Н.Воейков, совершилось «не без активного содействия статс-секретаря А.В.Кривошеина» (Воейков 1994: 64).

Тонкие наблюдения по поводу закулисного участия А.В.Кривошеина в образовании Прогрессивного блока содержатся в датируемом 7 ноября 1915 г. письме крупного чиновника Министерства внутренних дел Н.П.Муратова статс-даме А.Н.Нарышкиной. Рассуждая в нем, по горячим следам, о причинах возникновения блока, Н.П.Муратов писал: «Не подлежит никакому сомнению, что он родился не как Афродита из пены морской, а его кто-то организовывал, кто-то спаивал, кто-то говорил “преlestные слова”, от которых даже у первых чинов Двора закружилась голова. Говорят разное. В числе шептунов называют Волконского (В.М., князь, товарищ министра внутренних дел, бывший член Думы. – С.К.), а в последнее время – Кривошеина. Я не думаю, чтобы Кривошеин дал против себя в этом отношении какие-либо “уличающие обстоятельства”; но не сомневаюсь, что он... – как бы это так выразиться, – симпатично и благожелательно относился к блоку, учитывая, что при окончательном выборе министров, главное – премьера, он забыт не будет». «Завороженный так называемыми общественными симпатиями, о которых ему нашептывали с утра до вечера, Кривошеин, – писал далее Н.П.Муратов, – решил опираться на Думу, причем в увлечении совершенно просмотрел, что Дума на самом деле “разъехалась”, и что оставшиеся полтора человека явно уклоняются влево и идут уже не по рельсам, а чертят по шпалам» (ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Д.60. Л.53–54 об.).

Иные современники А.В.Кривошеина, которых нельзя отнести к его политическим союзникам, не могли подтвердить инициативную роль А.В.Кривошеина в формировании Прогрессивного блока, но подчеркивали наличие политической близости между ними. А.В.Кривошеин, как отмечал генерал А.И.Спиридович, «открыто стал на сторону общественности, на сторону Прогрессивного блока» (Спиридович 1960: 250). Весьма знаменательна последовательность, выстроенная 27 октября 1915 г. в дневниковой записи бывшего военного министра генерала В.А.Сухомлинова (1922: 131): «Кривошеин уволен: “блок” распадается». Автор записки, исходившей из кружка лидера крайне правых в Государствен-

ном совете А.А.Римского-Корсакова, полагал, что «возможность создания Прогрессивного блока надо поставить в тяжкую вину правительству, ровно ничего не сделавшему в предупреждение его образования» (Записка 1922: 343).

Не менее характерно следующее: уже после Февральской революции императрица Александра Федоровна, прощаясь с одним из своих приближенных, графом П.Н.Апраксиным, и имея в виду, прежде всего, роль «фактического премьера» в образовании Прогрессивного блока, сказала буквально следующее: «Не прощаю Кривошеину, это он сделал революцию» (Кривошеин 1973: 298). Конечно же, утверждения о причастности «фактического премьера» к инициированию Прогрессивного блока не следует понимать исключительно буквально. Стремление к образованию в Таврическом дворце большинства существовало среди думцев абсолютно независимо от А.В.Кривошеина, заявив о себе с первых же дней функционирования 4-й Государственной думы. Однако, при наличии в 4-й Думе небольших, но влиятельных и готовых к союзу с правительством фракций (центра и националистов), для воплощения этого стремления была необходима инициатива не только снизу, но и сверху, со стороны правительства, которое до поры до времени, пользуясь услугами упомянутых фракций, довольно успешно блокировало попытки создания большинства. Только с началом войны, когда партия народной свободы, благодаря занятой ею демонстративно оборонческой позиции, искупила, с точки зрения власти, свою прежнюю оппозиционность, появились и реальные условия для формирования такого думского большинства, в которое наряду с проправительственными фракциями могла бы войти и Фракция кадетов. Условия эти стали еще более реальными летом 1915 г., если признать, что именно тогда А.В.Кривошеиным и его единомышленниками, ввиду катастрофических поражений на фронте, была осознана необходимость дальнейшей либерализации правительственного курса, подразумевавшей, среди прочего, и создание политического образования, подобного Прогрессивному блоку. Можно предполагать, что летом 1915 г. инициатива снизу встретилась с инициативой сверху.

Чтобы инициировать блок, А.В.Кривошеину почти не требовалось опускаться до прозы политических будней, до черновой работы «честного маклера», поскольку в его распоряжении всегда находился своего рода штат публичных маклеров, готовых осуществлять намерения «фактического премьера» и в Думе, и в Государственном совете. В нижней палате одним из них был лидер Фракции центра П.Н.Крупенский. Имея в виду его прокривошеинскую активность, относящуюся ко времени образования Прогрессивного блока, П.Н.Милюков отмечал: «Посредничество принял на себя Крупенский, который всегда являлся маклером в таких случаях». При инициировании Прогрессивного блока «фактический премьер» опирался и на представителей других фракций, поскольку он, по свидетельству его коллеги по кабинету, П.Л.Барка, поддерживал «близкие отношения с членами Думы разных партий» (Барк 1966: 97–98). Имея в виду отношения «фактического премьера» с Думой во время формирования блока, граф В.В.Мусин-Пушкин, в письме своему шефу за 16 августа, констатировал: «Теперь вы находитесь с ней в постоянном контакте» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13).

В Государственном совете одним из политических союзников А.В.Кривошеина был князь А.Д.Оболенский. Этот либеральный сановник принимал самое активное участие во всех заседаниях комиссии, вырабатывавшей программу Прогрессивного блока, явившись, по сути дела, одним из ее авторов, а затем, после образования блока, стал членом его Бюро от Группы центра Государственного совета (Граве 1927: 26, 28). Желание князя А.Д.Оболенского добиться соглашения формировавшегося в законодательных палатах большинства с тем составом правительства, который был налицо в августе и практически полностью находился под контролем «фактического премьера», проявилось уже на стадии обсуждения программы блока. Весьма характерны, в этой связи, реплики, делавшиеся тогда князем по поводу конкретных пунктов программы: «Подипломатичнее, для переговоров с властью» (Лапин 1932: 133); «Это есть основание для соглашения с правительством, а не ультиматум» (Лапин 1932: 141); «Нельзя ставить ультимативно, хотя бы для того, чтобы говорить».

Мы должны убедить правительство ухватиться за это, иначе харакири. Если мы не сплотимся с правительством, немцы нас победят» (Лапин 1932: 3).

Таким образом, можно предположить, что при наличии в его распоряжении таких деятелей, как П.Н.Крупенский и князь А.Д.Оболенский, А.В.Кривошеину «делать политику» самому не было никакой нужды. Ему, всегда склонявшемуся к закулисной режиссуре, достаточно было, используя все выгоды своего формального статуса и все свое огромное неформальное влияние, путем развертывания целого комплекса мер не прямого, а косвенного воздействия, ориентировать вектор отношений между бюрократической элитой и народным представительством именно в том направлении, которое «фактическому премьеру», вдохновляемому внушениями П.Б.Струве, представлялось наиболее целесообразным.

Имея в виду именно эти меры косвенного воздействия, автор упомянутой записки подчеркивал, что правительство «если не выражало явного пренебрежения к правому крылу Думы, то, во всяком случае, проявляло к нему значительную долю равнодушия, тем самым как бы наперед предупреждая колеблющихся, что ждать каких либо поощрений им нечего» (Записка 1922: 343). Характеризуя ситуацию периода войны, члены думской фракции правых националистов (т.е. сторонники П.Н.Балашева) на своих совещаниях, имевших место уже в начале 1917 г., неоднократно подчеркивали, что «правительство до сих пор не сделало ни одного шага, чтобы сблизиться с правыми депутатами» (В январе ...: 110).

Параллельно с формированием думского большинства А.В.Кривошеин действовал в пользу создания приемлемого для этого большинства правительства, надеясь, что «удастся, в конце концов, свалить министерство и сменить председателя Совета министров» (Игнатьев 1926: 10). Того же мнения придерживался и граф В.В.Мусин-Пушкин, который в письме А.В.Кривошеину за 9 августа, придя к выводу о «необходимости немедленной смены министерства Горемыкина», поскольку «никакие частные переделки уже не по-

могут», призывал «к составлению нового Правительства государственной обороны» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.30).

Необходимость увольнения И.Л.Горемыкина понимал и царь. По сведениям Р.Пуанкаре, на второй неделе августа Николай «предложил место председателя Совета министров» А.В.Кривошеину, который «поставил свое согласие в зависимость от двух условий»: первое из них – премьер «должен руководить всей политикой» и «другие министры должны подчиниться ему», второе – «новый кабинет при своем представлении Думе потребует ее доверия». Р.Пуанкаре (1936: 44) полагал, что «оба эти новшества должны повести к отмене самодержавного режима и к водворению представительного режима». По свидетельству В.И.Гурко, в ответ на свои условия А.В.Кривошеин получил «принципиальное согласие государя» (Яхонтов 1999: 484). И если, тем не менее, замена И.Л.Горемыкина А.В.Кривошеиным не состоялась, то исключительно в силу нерешительности последнего. Объясняя, уже после революции, почему он отказался от поста премьера, А.В.Кривошеин говорил: «Мне нужна была твердая поддержка Государя, а на нее-то я рассчитывать не мог, как я его лично ни уважал и как он мне симпатичен ни был» (Васильчикова 1995: 324). А.В.Кривошеин предпочел по-прежнему находиться в тени. Вследствие его неговорчивости царю оставалось иметь дело с тем премьером, который у него уже был.

Впрочем, отказ «фактического премьера» объяснялся еще одной причиной, а именно – неприемлемостью для левой части формировавшегося Прогрессивного блока даже А.В.Кривошеина. Рассуждая в письме от 9 августа о возможных кандидатах в председатели правительства и приводя по данному вопросу мнения думцев, граф В.В.Мусин-Пушкин отмечал: «Голоса разделяются, кем его озаглавить – Вами или Гучковым. Думаю, что Вы уже опоздали». Через неделю граф сообщал А.В.Кривошеину, что на посту премьера «никто не хочет» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.14 об., 30) видеть и П.А.Харитонову. Не переоценивая симпатии к себе общества, А.В.Кривошеин думал, что председателем правительства «должно было бы быть широко общественное

лицо». «Ходили слухи, – вспоминал граф П.Н.Игнатьев, – о Родзянке, о Г.Е.Львове, А.И.Гучкове, а в последний момент говорили о Поливанове» (Игнатьев 1926: 10). Действительно, в конечном итоге «фактический премьер» остановился на кандидатуре генерала А.А.Поливанова (Кривошеин 1973: 556).

Во время состоявшейся 12 августа беседы с ним А.В.Кривошеин, «установив полную непригодность для данных обстоятельств такого главы правительства, каким является Горемыкин», сказал, что председателем Совета министров надо «на время войны» назначить его, А.А.Поливанова, т.к., во-первых, Государственная дума и общественные круги «относятся к нему с доверием», а во-вторых, «во время великой войны, когда вся страна должна быть тылом для армии, сосредоточение полной власти в руках военного министра вполне логично» (Поливанов 1924: 223). Несомненно, что в пользу А.А.Поливанова А.В.Кривошеин действовал вполне искренно. Во всяком случае ближайший единомышленник «фактического премьера» граф П.Н.Игнатьев был убежден, что А.В.Кривошеин «сам лично стать во главе не хотел» (Игнатьев 1926: 10). Между тем, пока «фактический премьер» всю интриговал против премьера формального, попытки договориться с Думой предпринимал и И.Л.Горемыкин, который вечером 15 августа пригласил к себе «представителей от центральных групп» Думы и «поставил им вопрос о возможности образования большинства для поддержки правительства». В ответ на это думцы, не видевшие смысла договариваться с И.Л.Горемыкиным, полагая, что его падение не за горами, заявили, что «взгляд блока на состав обновленного кабинета исключает возможность соглашения с председателем Совета министров» (Поливанов 1924: 224).

Опасаясь, как бы непопулярность «фактического премьера» среди части депутатов не ослабила усилий шефа, направленных на введение парламентаризма, граф В.В.Мусин-Пушкин попытался его обнадежить. Передавая, со слов графа В.А.Бобринского и С.Т.Варун-Секрета, мнение, разделяемое большинством думцев, В.В.Мусин-Пушкин со-

общал А.В.Кривошеину 16 августа, что в Думе «теперь только и хотят и говорят о Вас».

«Таким образом, – подытоживал граф, – я, говоря Вам, что Вы опоздали, когда у всех на устах Ваше имя, оказывается, не уловил момента и говорил свое мнение, жатся, солидарное с мнением Вашим и Ваших коллег. Какое удивительное смещение: члены кабинета советуют царю Родзянку или Львова, а там над этим смеются и жаждут Кривошеина» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13, 14 об). Однако выбор «фактического премьера» в пользу А.А.Поливанова был окончательным. Во время доклада, состоявшегося 17 августа, А.В.Кривошеин говорил царю «о непригодности Горемыкина для роли председателя Совета министров» и о целесообразности назначения на этот пост А.А.Поливанова. Как показалось докладчику, «мысль о сосредоточении власти над страной, являющейся во время великой войны тылом для армии, в руках военного министра» царю «понравилась». Тогда же А.В.Кривошеин «упомянул о необходимости ввести в состав кабинета лиц не из бюрократии, а из числа известных общественных деятелей, и назвал при этом А.И.Гучкова» (Поливанов 1924: 225).

Показательно, в этой связи, что в относящемся к ноябрю 1916 г. документе, который отложился в бумагах Совета министров, фамилия «фактического премьера» была помещена в следующий контекст: «Гучков. Кривошеин. Законы 17 августа. Подготовка Конституции» (РГИА. Ф.1276. Оп.8. Д.12. Л.84).*

20 августа у А.А.Поливанова в Военном министерстве «появился» П.Н.Крупенский, который после слов «есть соглашение, достигнуто», вручил «листок, на котором были напечатаны основные положения, принятые членами Прогрессивного блока». Тогда же П.Н.Крупенский, «пытливо смотря в глаза» А.А.Поливанова и «улыбаясь, ... проговорил: “Теперь все зависит от правительства или – как сегодня говорят в Думе – от вас”» (Поливанов 1924: 232).

После того как блок появился, вопрос об обновлении состава Совета министров приобрел еще большую остро-

---

* Имеются в виду законы 17 августа 1915 г. об Особых совещаниях (по обороне государства, продовольствию, перевозкам и топливу).

ту. Вечером 20 августа на заседании правительства, проходившем в Царском Селе под председательством императора, он оказался в центре дискуссии.

На этом заседании министры просили Николая не отстранять от верховного главнокомандования популярного в общественных кругах великого князя Николая Николаевича. Однако, одновременно приводились аргументы в пользу создания «министерства общественного доверия». А.В.Кривошеин, формулируя коллективное мнение всех министров, за исключением И.Л.Горемыкина и министра юстиции А.А.Хвостова, поставил Николая перед дилеммой:

«Сложившиеся внутренние условия допускают лишь два решения. Или примириться с общественностью, или сильная военная диктатура» (Барк 1966: 101). От себя, считая «второй путь наиболее мудрым и отвечающим потребностям момента» (Васильчикова 1995: 323), А.В.Кривошеин добавил, что «в военное время председателем должен быть военный министр» (Шаховской 1995: 164), т.е. А.А.Поливанов.

Примечательны слова сделанного самим «фактическим премьером» конспекта его выступления: «Надо быть или сильнее, или искуснее, а мы пассивны, жизнь идет мимо, поэтому опасно. Военный лагерь. Военный во главе» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.245. Л.60).

В трактовке А.В.Кривошеина диктатура подразумевала образование правительства во главе с А.А.Поливановым. Поскольку наряду с бюрократами в нем участвовали бы такие общественные деятели, как А.И.Гучков, это правительство нельзя расценить иначе, как «сборное министерство», образование которого имела в виду первая составляющая кривошеинской дилеммы. Однако натиск А.В.Кривошеина разбил о позицию Николая и И.Л.Горемыкина. Тогда, 22 августа, в день отъезда Николая в Ставку, большинство министров обратилось к императору с письмом. Указав на то, что удаление великого князя «грозит России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями», министры подчеркивали, что на заседа-

нии 20 августа «воочию сказалось коренное разногласие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри России событий и в установлении образа действий правительства». Находя, что «такое положение во всякое время не- допустимо, а в настоящие дни – гибельно», министры заявляли, что они теряют «веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине» (Сазонов 1991: 364–365). Тем самым, они подавали в коллективную отставку, которая принята не была. На заседании правительства 21 августа И.Л.Горемыкин сообщил, что «в ближайшие дни образующимся среди членов Государственного совета и Государственной думы блоком будет сообщена Совету министров и, согласно высочайшему повелению, подлежит обсуждению программа этого объединения» (Яхонтов 1926: 99).

Таким образом, далее готовности позволить министрам обсуждать программу нарождающегося блока царь и его премьер не шли. С какой целью царь поручал Совету министров обсудить программу большинства Думы и были ли извещены о предстоящем ее рассмотрении правительством думцы – точно неизвестно.

В этих условиях лидеры блока решились на опубликование 26 августа программы Прогрессивного блока без ее предварительного согласования с правительством. Программа входила в противоречие с Основными законами, которыми влияние Думы на назначение министров, подразумевавшееся первым пунктом программы, совсем не предусматривалось. Даже сами члены блока, в частности – Н.П.Балашев, А.Д.Зиновьев и П.М.фон Кауфман-Туркестанский в своем заявлении от 31 августа, признавали, что «вследствие преждевременного и неточного разглашения программы» «дальнейшее направление дела» о соглашении между законодательными палатами и «постановлении о сем соглашении в известность членов Совета министров пошло не по тому пути, который был намечен» (РГИА. Ф.954. Оп.1. Д.306. Л.1).

Хотя с первых же дней своего существования Прогрессивный блок вышел из-под контроля инициировавшей его

бюрократической группировки, тем не менее, И.Л.Горемыкин, полагавший, что для возвращения Думы в рамки Основных законов ее занятия необходимо прервать до ноября, на заседании правительства 26 августа согласился, однако, провести переговоры с Прогрессивным блоком уже после публикации его программы. Встреча представителей правительства с лидерами блока состоялась 27 августа на квартире П.А.Харитонов (Лапин 1932: 145). Понимая, что результаты этих переговоров И.Л.Горемыкин деэскалирует, его коллеги пребывали в состоянии, близком к панике. Характеризуя их настроения со слов графа П.Н.Игнатьева, член Государственного совета князь Б.А.Васильчиков сообщал своей жене 28 августа: «Все их усилия, в сущности, ни к чему не приводят и все попадает в тупик, из которого нет выхода» (РГИА. Ф.651. Оп.1. Д.990. Л.11 об.).

На заседании правительства, состоявшемся 28 августа, П.А.Харитонов доложил о результатах переговоров с блоком и о его программе. В ходе обсуждения программы блока в Совете министров, как говорил 3 сентября октябристу И.С.Клюжеву сам П.А.Харитонов, «большинство высказалось за ее приемлемость» (РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.5а). А.В.Кривошеин высказался за «избрание государем императором лица и поручение ему составить кабинет, отвечающий чаяниям страны» (Яхонтов 1926: 123). По предложению А.В.Кривошеина, министры признали, что «намеченная Прогрессивным блоком программа не встречает серьезных возражений, но Совет министров, не будучи в своем нынешнем составе единодушным, не может брать на себя задачу ее осуществления» (Поливанов 1994: 129).

Таким образом, министры подавали в отставку снова, считая, что перерыв занятий Думы должен совпасть с обновлением кабинета. Разногласия, выявившиеся на заседании 28 августа, зафиксировала мемория Совета министров, согласно которой все министры, кроме И.Л.Горемыкина и А.А.Хвостова, полагали, что «перерыв занятий Государственной думы, без одновременного ответа

правительства на пожелания, заявленные образовавшимся в думской среде большинством, может вызвать различные осложнения», вследствие чего они считали «необходимым, в связи с обсуждаемой мерою, точно определить дальнейшее направление правительственной политики и призвать, сообразно с принятым по этому предмету решением, в состав правительства объединенных общностью взглядов на предстоящие задачи лиц» (Яхонтов 1999: 407).

Однако и на этот раз победил И.Л.Горемыкин, который, противодействуя намерениям коллег, делал это по принципиальным соображениям, а не из-за желания сохранить за собою власть.

Передавая мнение премьера после встречи с ним, царица писала мужу 28 августа, намекая на думцев и остальных министров: «Сейчас его (И.Л. Горемыкина. – С.К.) не следовало бы удалять, ибо это-то им и желательно, и если им сделать эту уступку, то они станут еще хуже». И.Л.Горемыкин рекомендовал Николаю уволить его «по собственному почину и притом несколько позже», поскольку император – «самодержец» (Платонов 1996: 193). Очевидно, что премьер опасался, как бы его немедленная отставка в угоду Прогрессивному блоку не стала прецедентом. Несмотря на опасение этого, он все же попробовал уйти. При встрече с императором, состоявшейся 30 августа, И.Л.Горемыкин, сообщив о разногласиях в Совете министров, подал в отставку, которую царь не принял. «Я, – сообщал премьер на заседании правительства 2 сентября, – просил государя освободить меня от председательствования в Совете министров и заменить более подходящим к новым требованиям человеком. Но в ответ Его величество повелел мне оставаться на посту и закрыть Думу» (Яхонтов 1926: 132–133). Характер позиции И.Л.Горемыкина с очевидностью выявился во время диалога, состоявшегося 2 сентября между премьером и председателем Думы: «Вы, Михаил Владимирович, хотите управлять?» – «Да, понятно» – «Как понятно, управлять? Вы должны законодательствовать, а мы управлять» (Родзянко 1927: 154).

Явное вторжение Думы в не подлежащую ее компе-

тенции сферу управления делало неизбежным последовавший 3 сентября перерыв думских занятий до ноября.

Наметившееся в конце августа определенное намерение председателя правительства И.Л.Горемыкина пойти, ради успокоения думских страстей, на краткий перерыв занятий Думы повергло в состояние неопишуемой тревоги не только членов Прогрессивного блока, но и сановных соратников А.В.Кривошеина. Не скрывая своего отчаяния по поводу этого предположения, граф В.В.Мусин-Пушкин сообщал «фактическому премьеру» 28 августа: «Я все же нахожусь под страхом, неужели возможен ужасный и бесцельный (т.к. всего на 6–8 недель) роспуск Думы. Курьезно, что, по рассказам членов Думы, и московские рабочие, и офицеры Балтийской эскадры думают и говорят об этом почти в тех же выражениях. Но если из области слов мы перейдем в область фактов, то мы увидим, что правительство будет иметь тут против себя и объединенную армию, и объединенные земства и города, и, наконец, объединенную Думу, т.е. именно все те факторы, которые, обыкновенно, всякое правительство стремится иметь за собой, дабы совместно вести необъединенную массу» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.35–36 об.)

Озабоченность, охватившая в конце августа по поводу перспектив сотрудничества правительства и Прогрессивного блока представителей бюрократической элиты, становится понятной еще более, если учесть, что сама программа блока была для сановных сторонников сотрудничества с Думой допустимой. Сообщая о ней 16 августа А.В.Кривошеину, граф В.В.Мусин-Пушкин подчеркивал: «Программу выработали вполне приемлемую для всех и для правительства» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.13).

Идейная близость к программе блока определенно усматриваются в программе реформ, обоснованной в записке директора Канцелярии министра путей сообщения (и брата известного кадетского экономиста) Н.И.Туган-Барановского. Записка эта, составленная в конце октября 1914 г., была представлена «фактическому премьеру» еще в начале ноября того же года. Указав на то, что прави-

тельству «надо теперь же учесть настроение общества, которое проявится после окончания войны, и установить не только определенную и отвечающую истинным нуждам страны программу своей деятельности, но и выработать те мероприятия, которые явятся тогда неотложными», Н.И.Туган-Барановский подчеркивал: «Только готовность в этом отношении правительства может обеспечить ему сочувствие как Государственной думы, так и большинства русского общества».

Переходя к подразумевавшимся им вопросам непосредственно и вплотную, Н.И.Туган-Барановский писал: «В числе их особого внимания заслуживает вопрос о положении в составе России объединенной Польши, вокруг которого возможно ожидать наибольшее число споров, несогласия, сомнений, неудовлетворенных надежд и ожиданий». «Наряду с польским, – обращался Н.И.Туган-Барановский к следующему вопросу, – возникнет и вопрос относительно евреев, пользующихся равноправием в присоединяемых австрийских землях, а в связи с ним и относительно всех евреев в пределах Привислинского края, ныне вместе с поляками несущих главное бремя настоящей войны». Для «ослабления остроты» еврейского вопроса Н.И.Туган-Барановский предлагал «соответственно пересмотреть те административные распоряжения, совокупность которых создает несправедливые и по обстоятельствам времени излишние для евреев стеснения».

«К той же области национальных вопросов, – обращался Н.И.Туган-Барановский к иному аспекту затронутой им темы, – относятся и мероприятия, которые должны быть направлены к освобождению русского землевладения и промышленности от иностранного засилия. Сюда относятся: прекращение немецкого землевладения как в пограничных, так и во внутренних губерниях, ослабление немецкого влияния во всем Прибалтийском крае, путем введения в нем общих для остальной России учреждений и законов, а равно и более глубокие меры к национализации нашей промышленности и кредита на всем пространстве России».

«Обращаясь, затем, к вопросам общего внутреннего уп-

равления, – продолжал Н.И.Туган-Барановский, – нельзя не остановиться, прежде всего, на тех из них, совокупность которых объемлет область, определяемую выражением “гражданских свобод”. Главнейшими среди них являются узаконения о неприкосновенности личности, об исключительных положениях, о свободе передвижения (паспортное законодательство), и, наконец, в высшей степени важный и сложный вопрос о печати, с таким достоинством выполняющей теперь, в дни войны, свое призвание пред русским народом». К «вопросам внутреннего управления» автор записки относил и «намеченное самим правительством преобразование земских и городских учреждений, а в связи с этим и преобразование всего местного управления (сельского, волостного, уездного и губернского)». «Внесение в Государственную думу соответствующих предположений, – полагал Н.И.Туган-Барановский, – ответит пожеланиям Думы и в то же время обеспечит, что преобразование местных учреждений пойдет, в общем, по предуказанному правительством пути. ... Наконец, особую заботу составит выработка определенной финансовой программы».

Заканчивая свою записку, Н.И.Туган-Барановский подчеркнул: «В каком бы порядке ни было признано соответственным приступить к этому делу, бесспорно одно – к нему необходимо приступить немедленно. Вопрос заключается не столько в объеме и содержании тех мероприятий и преобразований, которые будут предприняты правительством, а в том, чтобы они не запоздали и могли быть подготовлены ранее, чем о них возникнут запросы со стороны общества. Именно поэтому надлежит ныне же, напрягая все силы к успешному завершению великой войны, оглянуться на внутреннюю жизнь России, дабы, после заключения славного мира, обеспечить ей дальнейшее спокойное развитие» (РГИА. Ф.381. Оп.41. Д.29633. Л.93–98).

Нетрудно заметить, что основные положения программы Н.И.Туган-Барановского, конечно, – недословно, а по общему смыслу, идентичны аналогичным положениям программы Прогрессивного блока – отсутствует лишь пункт о «министерстве доверия». Таким образом, программа бло-

ка, которую лидеры общественности считали своим излюбленным детищем, в зародыше, за исключением деликатного пункта, содержалась в программе реформ, предложенной А.В.Кривошеину не общественным деятелем, а высокопоставленным бюрократом, находившимся к тому же в придворной должности гофмейстера его величества.

Созвучность программы блока ближайшим намерениям кабинета представители бюрократической элиты признавали вполне недвусмысленно. Так, на заседании правительства 26 августа 1915 г. министр иностранных дел С.Д.Сазонов заявил: «Теперь стало ясно, что между правительством и блоком по практическим вопросам нет непримиримых разногласий. По только что бывшему в Совете министров обмену мнений можно видеть, что пять шестых программы блока могут быть включены в программу правительства» (Яхонтов 1926: 114).

На заседании Совета министров 28 августа управляющий Министерством внутренних дел князь Н.Б.Щерба-тов согласился со своим коллегой: «В общем, программа Прогрессивного блока в значительной степени приемлема и только в отдельных вопросах расходится с правительственной точкою зрения» (Яхонтов 1926: 122–123). В то же самое время тезис о приемлемости для власти программы Прогрессивного блока доказывал «фактическому премьеру» его ближайший сотрудник. «Неужели испугала программа блока? – вопрошал граф В.В.Мусин-Пушкин А.В.Кривошеина в письме за 28 августа. – Я лично нахожу, что, когда настало время лить снаряды и рыть окопы, чтобы преграждать доступ врагу к Петрограду, Москве и Киеву, ни о каких программах не должно бы быть и речи, но что же делать, когда история вырыла такую глубокую пропасть между “мы” и “они”, что без мостика через пропасть, не говоря уже об ее засыпке, нельзя подойти друг к другу. С этим нельзя не считаться и не хотеть этого равносильно тому, чтобы не лить снаряды и не копать окопов». «Я готов согласиться, – продолжал далее граф В.В.Мусин-Пушкин, – что некоторые пункты программы трудно приемлемы, но именно если брать их в отдельнос-

ти или, иначе говоря, если из-за деревьев не видать леса, но если в совокупности – это все, что надо для спасения России (в буквальном смысле), и если это залог объединения страны и страны с властью, то это столь малая доза лекарства, что, перекрестившись, и страна, и власть должны проглотить ее, не поморщившись» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.290. Л.35–36 об.).

Того, что программа Прогрессивного блока не расходуется, в конечном итоге, с намерениями самого правительства, министры не скрывали и после состоявшегося 3 сентября 1915 г. перерыва занятий Государственной думы, значение которого вообще до сих пор излишне драматизируется. Беседа 10 сентября с левым октябристом и членом Думы И.С.Ключевым, П.А.Харитонов заявил буквально следующее: «Да, по-моему, программа блока, за самыми ничтожными исключениями, относящимися к еврейскому вопросу, вполне приемлема» (РГИА. Ф.669. Оп.1. Д.17. Л.5а).

Программу Прогрессивного блока представители бюрократической элиты считали приемлемой вплоть до Февральской революции. Примечателен, в этой связи, состоявшийся в начале 1917 г. разговор В.В.Шульгина с такими столпами петроградского истеблишмента, как граф П.Н.Игнатьев (в 1915–1916 гг. – министр народного просвещения) и князь В.М.Волконский, недавний товарищ министра внутренних дел. «Программа Государственной думы, т.е. Прогрессивного блока, – говорил тогда В.В.Шульгину граф, – ведь она, в сущности, очень приемлема». «Вздор! Пустяки! – согласился с графом князь. – Все это, конечно, можно дать без всякого колебания Государства Российского» (Шульгин 1989: 159, 160).

Хотя с первых же дней своего существования Прогрессивный блок начал довольно быстро превращаться в оппонента власти, либеральные сановники демонстрировали, что его образование и программа были для них приемлемыми и пригодными для того, чтобы достичь более тесного взаимодействия между ними и общественными деятелями.

Следовательно, проведение политики «священного единения» власти с оппозицией способствовало дальнейшему расковыванию общественной инициативы, которая развивалась не только в силу своей внутренней логики, но и в силу воздействия на нее со стороны правительственного либерализма.

Литература

- Аврех 1985 – Аврех А.Я. Распад третьейюньской системы. М., 1985.
- Ананьич, Ганелин, Дубенцов, Дякин, Потолов 1984 – Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б., Дякин В.С., Потолов С.И. Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л., 1984.
- Андрей Владимирович 1925 – Дневник б[ывшего] великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925.
- Барк 1955 – Барк П.Л. Глава из воспоминаний [О Николае II] // Возрождение. Тетр.43. Париж, 1955.
- Барк 1966 – Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. Кн.173. Париж, 1966.
- Берберова 1986 – Берберова Н.Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. New-York, 1986.
- Бьюкенен 1991 – Бьюкенен Д.У. Мемуары дипломата. М., 1991.
- Васильчикова 1995 – [Княгиня Васильчикова Л.Л.] Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой: 1886–1919. СПб., 1995.
- В январе ... – В январе и феврале 1917 г. Из донесений секретных агентов А.Д.Протопопова // Былое. Пг., 1918. Кн.13.
- Витенберг 1997 – Витенберг Б.М. П.Б.Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб., 1997.
- Воейков 1994 – Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994.
- Ганелин 1991 – Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция. СПб., 1991.
- Ганелин, Флоринский 1997 – Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

- Ганелин, Флоринский 1999 – Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. На пути к летнему политическому кризису 1915 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв.: Сб. ст. памяти В.С.Дякина и Ю.Б.Соловьева. СПб., 1999.
- Граде 1926 – Граде Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.;Л., 1926.
- Граде 1927 – [Граде Б.Б.] Буржуазия накануне Февральской революции. М.;Л., 1927.
- Грунт 1945 – Грунт А.Я. Прогрессивный блок // Вопросы истории. М., 1945. № 3–4.
- Грунт 1963 – Прогрессивный блок // Советская историческая энциклопедия. Т.4. М., 1963.
- Думова 1988 – Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.
- Дякин 1967 – Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.
- Жильяр 1921 – Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 – Екатеринбург, май 1918 г.): По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника наследника цесаревича Алексея Николаевича. Вена, 1921.
- Записка 1922 – Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т.5.
- Игнатъев 1926 – Показания графа П.Н.Игнатъева. 21 июня 1917 г. // Падение царского режима.: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми тт. М.;Л., 1924–1927. М.;Л., 1926. Т.6.
- Из истории 1996 – Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции / Ввод.статья, подг. текста и комм. С.В.Куликова // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн.6.
- Катков 1997 – Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.
- Климов 1952 – Климов И.М. К вопросу об отношении казанской буржуазии к Прогрессивному блоку // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 1952. Т.112. Кн.5.
- Кривошеин 1969 – Кривошеин К.А. А.В.Кривошеин. Биографические заметки и воспоминания. Париж, 1969 (ротапринт) (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д.391. Л.176).
- Кривошеин 1973 – Кривошеин К.А. А.В.Кривошеин (1857–1921 гг.): Его значение в истории России нач. XX в. Париж, 1973.
- Кривошеин 1994 – А.В.Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны: Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве / Ввод.статья, подг. текста и комм. С.В.Куликова // Русское прошлое. СПб., 1994. Кн.5.

- Куликов 1994 – Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны: Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып.3.
- Куликов 1998 – Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998.
- Лапин 1932 – [Лапин Н.] Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. М.;Л., 1932. Т.50–51.
- Милоков 1926 – Показания П.Н.Милокова: 4 августа 1917 г. // Падение... М.;Л., 1926.Т.6.
- Николай II 1991 – Дневники императора Николая II. М., 1991.
- Пайпс 1994 – Пайпс Р. Русская революция. В 2-х чч. М., 1994.
- Палеолог 1991 – Палеолог Ж.М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
- Платонов 1996 – Платонов О.А. Терновый венец России: Николай II в секретной переписке. М., 1996.
- Поливанов 1924 – Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т.1. М., 1924.
- Поливанов 1994 – Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 – 15 марта 1916 г.): Публикация В.В.Поликарпова // Вопросы истории. № 2. М., 1994.
- Пуанкаре 1936 – Пуанкаре Р. На службе Франции: Воспоминания за девять лет. В 2-х кн. М., 1936. Кн.2.
- Родзянко 1927 – Допрос М.В. Родзянко // Падение ... М.;Л., 1927. Т.7.
- Родзянко 1990 – Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.
- Российские либералы 1996 – Российские либералы: кадеты и октябристы (документы, воспоминания, публицистика). М., 1996.
- Сазонов 1991 – Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991.
- Слонимский 1975 – Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975.
- Старцев 1977 – Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.
- Струве 1921 – Струве П.Б. А.В.Кривошеин (некролог) // Руль. Берлин. 2 ноября 1921 г.
- Струве 1933 – Письма П.Б.Струве С.Д.Сазонову в 1915 г // Красный архив. М., 1933. Т.59.
- Сухомлинов 1922 – Дневник генерала Сухомлинова (сообщил Ив[ан] Блинов) // Дела и дни. Пг., 1922. Кн.3.

- Сухомлинов 1923 – Переписка В.А.Сухомлинова с Н.Н.Янушкевичем // Красный архив. М.;Пг., 1923. Т.3.
- Черменский 1976 – Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- Шавельский 1996 – Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. В 2-х тт. М., 1996. Т.1.
- Шаховской 1995 – Князь Шаховской В.Н. Sic transit gloria mundi / Русское возрождение. Кн.62. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1995.
- Штюмер 1924 – Допрос Б.В. Штюмера: 22 марта 1917 г. // Падение... Л., 1924. Т.1.
- Шульгин 1989 – Шульгин В.В. Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920-й. М., 1989.
- Яхонтов 1926 – Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.). Составлено А.Н.Яхонтовым, б[ывшим] помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т.18.
- Яхонтов 1999 – Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н.Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999.
- Hamm 1974 – Hamm M.F. Liberal politics in wartime Russia: An analysis of Progressive bloc // Slavonic Review. 1974. Vol.33. № 3.
- Hasegawa 1981 – Hasegawa Ts. The February revolution: Petrograd, 1917. Seattle;L., 1981.
- Lieven 1989 – Lieven D. Russia Rulers under the Old Regim. New Haven;London, 1989.
- Pearson 1977 – Pearson R. The Russian moderates and the crisis of tsarism: 1914–1917. L., 1977.
- Rosenberg 1972 – Rosenberg W.G. Kadets and the politics of ambivalens: 1905–1917 // Essays on Russian liberalism. University of Missouri press, 1972.